

Хэ Янь держала горшок с мандаринами в оцепенении.

Когда она была вырвана из своих мыслей голосом стоящего перед ней:

- Не можешь им воспользоваться?

Девушка подняла глаза и увидела, что молодой человек в тёмно-синей мантии уже сел на табурет перед её кроватью и взял горшок из её рук.

У мандаринового горшка был секрет, он мог содержать два вида содержимого и был важным средством для отравления людей. Он вытащил кусок белой ткани и понемногу налил. Первым вылилось лекарство, а потом высыпался и порошок. Рядом с ручкой котелка лежала маленькая ложечка. Сяо Цзюэ достал ложку, чтобы размешать смесь.

Когда молодой человек смотрел вниз, делая это, и его длинные ресницы опустились вниз, его профиль был красив и неотразим, с его молодой красотой, заставляющей людей впадать в ошеломление, она даже забыла, была ли она в Лянчжоу Вэй в данный момент или в зале Сянь Чан, который был за тысячи миль отсюда.

Когда Хэ Янь пребывала в оцепенении, он уже растёр мазь о белую ткань и бросил её девушке с чрезвычайно равнодушным тоном:

- Наложил её на себя.

- О, - Хэ Янь уже ожидала этого и тихо пробормотала: - Я не ожидал, что Вы мне поможете.

Услышав это, Сяо Цзюэ уставился на Хэ Янь с улыбкой, не затронувшей глаза.

- Я не смею задерживать тебя в сохранении твоего ценного, как нефрит тела.

- Хорошо, что Вы знаете, - улыбнулась Хэ Янь и сказала: - Но спасибо Вам, генерал, за такое дорогое лекарство.

- В караульном помещении не хватает лекарств, если только ты не хочешь умереть, - сказал он.

Хэ Янь серьёзно посмотрела на него:

- Вы также спасли мне жизнь. Я не ожидал, что генерал окажется таким сострадательным человеком.

- Если больше ничего нет... - сказал Сяо Цзюэ, а затем встал и ушёл.

Увидев, что на этот раз он действительно ушёл, девушка прислонилась к изголовью кровати и тихо вздохнула. Лекарство Сяо Цзюэ было очень эффективным, освежающим и прохладным, и боль сильно облегчалась после его применения.

Хэ Янь посмотрела на котелок, и её мысли вновь унеслись прочь.

В ту снежную ночь в возрасте четырнадцати лет Сяо Цзюэ был не так равнодушен, как сейчас. По крайней мере, когда он сказал "я не знаю, как его использовать", он не только помог открыть мандариновый горшок, но и лично применил к ней лекарство.

Было странно, что образ того времени уже был размыт, но сегодня, когда пришел Сяо Цзюэ, эти забытые детали медленно разворачивались перед глазами Хэ Яня, как будто это только что произошло, и ясность была невероятной.

Она сидела на каменной скамье во дворе, а ленивый и равнодушный подросток терпеливо накладывал ей лекарство, что создавало необычную сцену со стороны. Его брови были живописны, а лицо находилось прямо перед Хэ Янь, так как она почти чувствовала его тёплое дыхание, которое исчезало от резкости прошлого, и это мягкое тепло полностью покрывало её холодное и трепещущее сердце.

Маска закрывала её лицо, и собеседник не мог видеть выражения лица девушки и не чувствовал, как пульсирует её кровь.

Трудно было оставаться равнодушной к такому человеку, как он, особенно когда такой безэмоциональный человек обращался с ней так нежно. Хэ Янь была молода в то время и не имела никакого сопротивления вообще.

Сяо Цзюэ ушёл после того, как помог ей с лекарством, и Хэ Янь прошептала ему:

- Твое лекарство.

- Отдаю, - небрежно ответил молодой человек. - Ты такой глупый. Вероятность того, что ты пострадаешь в будущем, довольно высока. Оставь его себе.

Судя по его предсказанию, шансы на то, что Хэ Янь будет ранена, были действительно высоки. Мазь в мандариновом горшочке давно иссякла, а горшочек она потом потеряла на войне, и думать об этом было очень жалко.

На следующий день подростки пошли в академию и обнаружили, что тетради в их партах были мокрыми от воды, они даже не могли узнать почерк, и это был полнейший хаос.

- Кто это сделал? Выходи, а то подожди и увидишь, убью я тебя или нет! - яростно взревели они.

- Разве это не просто? Просто посмотрите, чья тетрадь чистая, поищите её внутри, и вы всегда сможете найти того, кто имеет на нас зуб.

Сердце у Хэ Янь сжалось, и она была крайне раздражена. Неудивительно, что она была так глупа, и даже не подумала об этом. Её тетрадь была чистой и аккуратной. Разве после небольшого расследования они не выяснят, что это её работа?

Не стоит думать об этом, что случилось, то случилось, будь мужчиной и оставайся храбрым, чтобы встретить последствия. Она была убита горем и могла только признаться в своей судьбе, наблюдая, как подростки всё ещё просят студентов академии достать свои тетради для проверки.

Она уже собиралась выйти вперёд и признаться, набравшись смелости, но в этот момент кто-то встал и, положив свою тетрадь на стол, крикнул:

- Я сделал это!

Движение было таким громким, что все посмотрели в другую сторону и увидели красивого молодого человека в белой одежде, прислонившегося к стене со скрещёнными на груди руками. С ленивым выражением лица он небрежно повторил:

- Я сделал это!

Поднялся шум.

- Брат Хуай, брат Хуай Цзинь, это действительно ты сделал? - осторожно спросил кто-то.

Сяо Хуай Цзинь был не похож на Хэ Жун Фэя. Никто в столице не осмеливался провоцировать его, более того, одна семья Сяо могла раздавить людей насмерть. Так что не только господа должны были защищать его, но и Император лично высказывал хвалу молодому человеку.

- Это я, - уверенно ответил он.

- Но почему? - спросил парень с лицом, перекошенным рыданием.

- Нет причины, - мальчик взглянул на него и недовольно ответил: - Руки соскользнули.

- Пф, - не смогла сдержать смеха Хэ Янь, заметив всеобщие взгляды, она поспешно

обернулась, как ни в чём не бывало.

А после этого?

После этого вопрос остался нерешённым, потому что это был Сяо Хуай Цзинь, поэтому другие люди не осмеливались ничего сказать и могли только признать, что им не повезло.

* * *

Вернул девушку в настоящее скрип открывающейся двери, в которую вошла Шэнь Мусюэ. Она забрала пустую миску с лекарствами и тазик с водой и попросила Хэ Янь не давить на рану, прежде чем покинуть комнату.

Из узкого окна комнаты видно небо со всех четырёх углов, с яркой луной, висящей в небе, и ярко сияющими звёздами.

Она прошептала:

– Сегодня праздник Циси...

Она никогда не праздновала этот праздник. До того, как Хэ Янь переоделась мужчиной, этот праздник не имел к ней никакого отношения. Позже, когда она вышла замуж за Сюй Чжи Хэна, она с самого начала с нетерпением ждала этого. Независимо от того, как девушка притворялась мужчиной, как только она наносила макияж, девушка просто хотела быть похожей на обычную девушку, идущую на берег реки со своим возлюбленным, чтобы установить цветы и лодки, поклониться Сяньхэ / Бессмертному урожаю (1), распарить фрукты и посетить Храмовую ярмарку. Она слышала, что на горе есть светлячки.

Хэ Янь набралась смелости и попросила Сюй Чжи Хэна в первый раз, Сюй Чжи Хэн улыбнулся и согласился.

Но перед праздником Циси она ослепла. Таким образом, этот вопрос, казалось, был забыт, Сюй Чжи Хэн не взял на себя инициативу снова упомянуть об этом, и Хэ Янь тоже не упомянула об этом, думая, что Сюй был ошеломлён её болезнью, поэтому оставила эту мысль. До следующего дня, когда Хэ Вань Жу проходил мимо её двери, улыбаясь и играя фонарём, подаренным Сюй Чжи Хэном накануне.

Только тогда она узнала, что Сюй Чжи Хэн не был дома во время праздника Циси, не из-за официальных дел, а чтобы сопровождать Хэ Вань Жу на Храмовую ярмарку.

Человеческая жизнь – это не что иное, как утренняя роса, наполненная всевозможными белыми облаками (2). Хэ Янь не знала, насколько хороша она была в качестве мужчины, но знала, что как женщина она была определённо отвратительна.

Как раз в тот момент, когда она думала об этом, Хун Шань вошёл снаружи, сразу увидел горшок с мандаринами в её руке и небрежно пошутил:

– Оо, наш генерал сделал тебе подарок на праздник Циси! Какое хорошее вино, дай этому брату попробовать!

Хэ Янь на мгновение остолбенела, а потом вдруг рассмеялась.

Будь то прошлое или настоящее, но теперь, думая об этом, этот фестиваль Циси был на самом деле не так уж плох. Она ездила верхом с генералом, о котором мечтали многие женщины, касалась его талии, ездила верхом на его лошади, гуляла по горным дорогам, любуясь звёздами, и, наконец, получила горшок эликсира в подарок.

Эта жизнь не была напрасной.

1. Перед началом фестиваля девочки заранее готовят всевозможные изысканные игрушки, используя траву, цветную бумагу, семена кунжута, рисовые зёрна и так далее, чтобы сделать различные модели цветов и фруктов, дам, артефактов, моделей дворца и других вещей. Семена зерна и бобов мун замачивают в небольшой коробке, чтобы они проросли, и когда ростки достигают более двух дюймов в длину, они используются для поклонения богам, называемым "поклонение Сяньхэ" и "поклонение растительному Богу"

2. Это означает, что жизнь недолговечна, мимолётна, эфемерна, преходяща со всевозможными взлётами и падениями.

<http://tl.rulate.ru/book/41885/1371589>